

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

Пуля
из прошлого

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Иллюстрация на обложке
Валерия Петелина

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Пуля из прошлого / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (МУРу — 100 лет. Лучшие романы Н. Леонова).

ISBN 978-5-04-172893-9

В столичном кафе «Бумеранг» совершено тяжкое преступление. Среди бела дня в помещение вошел неизвестный и открыл по посетителям стрельбу из автомата. В результате — шестеро убитых и двое тяжело раненных. Среди погибших люди самого разного положения: крупный чиновник, пастор, иностранка, безработный офицер запаса, молодой журналист... Кто же из них стал причиной трагедии? Установить мотив убийства — задача не из легких даже для таких профессионалов, как полковники МУРа Гуров и Крячко. Но опытные сыщики знают свое дело. Они отработывают все версии и в конце концов находят зацепку, которая ведет к раскрытию тайны недавно отгремевшей войны.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-172893-9

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лето выдалось невыносимо жарким. Впрочем, в последние годы это стало уже обычным явлением. В середине июля красная полоска ртути в термометрах, неотвратимо стремясь вверх, упиралась в край шкалы и, не находя дальнейшего пути, замирала там до самого вечера. Но и вечера были не лучше. Раскаленный асфальт перед закатом начинал лишь больше отдавать накопленное за день тепло, в результате чего столица превращалась в одну огромную сплошную парилку.

Полковник Станислав Крячко, сидя в кресле, страдал. В кабинете было так жарко и душно, несмотря на раскрытое настежь окно, что не помогал даже напольный вентилятор, просто гонявший горячий спертый воздух по помещению, не охлаждая его. Крячко завозился в кресле, меняя положение, и потянулся к бутылке с минералкой, только что купленной в местном буфете.

Она хранилась в холодильнике и была пусть не холодной, но, во всяком случае, прохладной. Одним махом выпив чуть ли не полбутылки, Крячко крякнул и вылил остатки себе на голову, подставив темя под струю вентиляционного воздуха.

— Провались этот китайский ширпотреб! — выругался он, когда голову обдало теплым ветерком.

Но все-таки стало легче, и Крячко откинулся на спинку кресла, обмахивая себя сложенной вдвое газетой «Спорт-экспресс».

Открылась дверь, и вошел Гуров — стройный, бодрый, подтянутый... Крячко неодобрительно покосился на своего друга. Его всегда поражало, как Лев умудряется в любое время выглядеть стильно и ухоженно? Дождь ли, слякоть, снег, морось — он всегда аккуратен, подтянут, ботинки блестят, короткие волосы лежат так, словно он только что от парикмахера. Вот и сейчас, несмотря на невероятную жару, Лев одет в легкий, но строгий костюм, рубашка безупречно отглажена, и даже галстук он повязал новый, модный, с сиреневатым отливом.

Крячко опустил глаза и посмотрел на себя словно со стороны. М-да... В сравнении со стильным Гуровым он выглядит, мягко говоря, попроще... Верхние пуговицы рубашки расстегнуты, рукава закатаны чуть

ли не до плеч, от капель воды в нескольких местах расплылись темные пятна... Брюки помяты, а галстук в такое пекло Станислав сроду на надевал. Он запустил руку в свою шевелюру. Длинные, слегка намочшие спереди пряди падали на лоб. Пора, давно пора подстричься, но все времени не хватает. Да и, честно признаться, он терпеть не мог эту процедуру и всегда старался увильнуть от нее. До последнего старался, когда уже дальше невозможно было тянуть, и старый друг, а по совместительству начальник, генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов начинал делать замечания, что Станислав выглядит «не по форме». Гуров, бросая насмешливые взгляды, вставлял свои излюбленные едкие шуточки, на которые был мастер и которые Станислав всегда одобрял, когда они приходились на чей-то адрес, зато впадал чуть ли не в бешенство, когда они касались его самого.

Крячко снова перевел взгляд на приятеля. Гуров молча прошел к своему столу и, сразу же опустившись на жесткий стул, принялся перелистывать папку с каким-то делом. Крячко также молча наблюдал за ним. Гуров сидел с сосредоточенным видом, совершенно, кажется, не страдая от жары. Станислав поелозил в кресле, потом не выдержал и спросил:

— Тебе что, не жарко?

— Что? — Отрывая взгляд от папки, Гуров не сразу понял, о чем спрашивает его Стас.

— Не жарко, говорю? — повторил Крячко, яростно обмахиваясь своим самодельным «веером».

— Почему не жарко? Жарко. Просто я стараюсь этого не замечать. Голова другим занята, — проговорил Лев и снова уткнулся в свои бумаги.

Крячко недоверчиво хмыкнул. Теперь он уже из вредности не собирался оставлять Гурова в покое.

— Вы у нас теперь «светский лев»? — язвительно скаламбурил он, неприязненно сверля глазами галстук Гурова.

— Не понял, — покачал головой тот.

— В гламуре погрязли, — продолжал язвить Крячко. — Пижонские галстуки носите. Нам рядом с вами только лаптем щи хлебать!

— Тебя премии лишили, что ли? — усмехнулся Гуров. — Да вроде некому, Петр на юга укатил.

— Вот именно! — подхватил Крячко. — Он на юга укатил, а ты тут мучайся в душном кабинете! Хоть бы какой захудалый кондиционер установил, я сколько раз говорил!

— Зависть — плохое чувство, — заметил Лев.

— А я и не завидую, — тут же открестился Станислав. — Я просто за справедливость. Что, нет денег, чтобы кабинеты ведущих сотрудников оборудовать?

— Тебе и так рабочее место оборудовали. Кресло вон новое, мягкое, а я на жестком стуле сижу и помалкиваю.

— Ты сам от мягкого отказался. Беспокоишься о своем поджаром заде. Пижон! — И Крячко отвернулся к окну.

— Ты что такой недовольный-то? — не выдержал Гуров, отрываясь от своих бумаг.

— Что выросло, то выросло, — буркнул Крячко и надулся.

Теперь уже Лев с нескрываемым удивлением следил за приятелем. Если Станислав принялся цитировать его, Гурова, излюбленные фразы, значит, и впрямь с ним что-то не так. Лев внимательно оглядел Станислава и негромко спросил:

— Случилось что-то серьезное? Может, поделишься?

— Да нет, — словно очнувшись, моментально стушевался Крячко.

Когда Гуров начинал разговаривать с ним вот так, по-человечески, у него тут же пропадало желание препираться. И в самом деле, чего он вдруг накинулся на старого друга? Лев, что ли, виноват, что в кабинете жарко и что по всей средней полосе России

в ближайшие дни не ожидается понижения температуры? Или в том, что генерал-лейтенант Орлов сейчас отдыхает, а им поручил пересмотреть старые архивные дела?

— Просто понимаешь, Лева, — подсаживаясь ближе, со вздохом заговорил Станислав. — Надоело все! Никаких интересных дел; сидишь, перечитываешь эту муру! — Он кивнул на стопку старых, пожелтевших от времени папок, горой возвышавшихся на его столе. — И кому это только надо? А нынешние преступники будто вымерли. Тоже, что ли, от жары страдают и им даже убивать влом?

— Так радоваться надо! — тут же отпарировал Гуров. — Или ты хочешь, чтобы мы в «глухарях» погрязли?

— Ну, у нас «глухарей» почти не бывает! — самодовольно проговорил Станислав. — Как-никак лучший сыщик Москвы в нашем отделе служит! — И смерил Гурова нарочито подобострастным взглядом. Но в тоне его уже не проскальзывало ехидство, к Станиславу вернулись его обычное расположение духа и склонность к безобидным подколам.

Новых дел и впрямь не было. Может быть, еще и по этой причине генерал-лейтенант Орлов воспользовался паузой и, быстренько схватив горящую санаторную путевку, ука-

тил отдыхать в Гагры. А сыщикам, чтобы не расслаблялись, поручил достать архивные дела и покопаться в них. Понятно, что генерал-лейтенант дал это указание чисто номинально и вряд ли всерьез надеялся на то, что к его возвращению все эти «висяки» за давностью лет будут раскрыты. Однако приказ есть приказ, и Гуров с Крячко который уже день копошились в пыльных страницах.

— Вот что это, например, такое? — продолжал разоряться Крячко и продекламировал: — Дело номер триста двадцать один. Пятого января две тысячи восьмого года в доме пятьдесят восемь по улице Флотской был обнаружен труп гражданина Свинарченко. Причина смерти — ножевое ранение в грудь. Орудие убийства найдено рядом с трупом...

— Короче, — остановил Гуров излишняя друга.

— А короче, выпивали приятели в новогодние каникулы, будь они неладны. Свинарченко этот — алкоголик со стажем и друзья соответствующие. И фамилия, кстати, тоже, — добавил Крячко. — Пили-закусывали, потом слово за слово, в итоге классика: пьянка — ссора — драка — нож. Обычная бытовуха.

— И что?

— А то, что выпивали вчетвером. И любой из троих мог стать убийцей!

— А отпечатки на ноже? — сощурился Гуров.

— А отпечатки... — с каким-то злорадством проговорил Станислав и сделал эффектную паузу. — Отпечатков там море и всех четверых! Они этим ножом колбасу резали. И никто не сознается в убийстве Сви-наренко! Каждый на другого валит. Да у них от многодневного перепоя все так в башках перепуталось, что они, похоже, и сами не помнят, кто его подрезал. Прямо хоть бери всех скопом и сажай!

— Ну, попробуй, — с усмешкой посоветовал Гуров.

— Попробуй сам! — не остался в долгу Крячко. — Да, и вот такое дерьмо поручено разгребать... Ну, что это такое, я тебя спрашиваю? — И он вопросительно уставился на полковника, словно ожидая, что тот и в самом деле даст ему ответ на этот сакраментальный вопрос.

— Не мне тебе рассказывать, что в России семьдесят процентов преступлений происходят на бытовой почве, — заметил Лев. — Из них девяносто девять в состоянии алкогольного опьянения. Так что удивляться нечему.

— Я не удивляюсь. Я возмущаюсь! Почему я, опер-важняк, должен расследовать эту ерунду, почему? — кипятился Крячко.

— Так и не расследуй, — милостиво разрешил Гуров.

— А я и не буду! — Крячко подскочил в своем кресле, захлопнув папку с таким раздражением, что из нее тут же поднялся столб пыли, и с треском отодвинул ее в сторону. — Была охота! Как оно вообще к нам попало, это дело?

— Возьми какое-нибудь другое, что ты к нему прицепился?

— Да они тут все одинаковые, — махнул рукой Крячко.

— Не скажи, — не согласился Гуров. — Вот довольно интересное дело, послушай...

Но Станислав уже не слушал. Посмотрев на часы, он решительно двинулся к двери.

— Ты куда? — поинтересовался Лев.

— Обед, Лева! — назидательно произнес Крячко. — Как говорится, жара жарой, а обед по расписанию.

— Ты можешь зарабатывать сочинением новых пословиц и поговорок, — усмехнулся Гуров, вновь утыкаясь в папку с заинтересовавшим его делом. — Правда, не знаю, сколько тебе за них будут платить и, главное, кто...

Крячко соорил ему рожу и вышел из кабинета. А Гуров внимательно перечитывал одну из страниц. Вроде бы дело как дело, все ясно, преступник обнаружен, и материалы

переданы в суд. Казалось бы, чего еще надо? Но суд подозреваемого оправдал и вернул дело на следствие. И действительно, не без основания. Было в первоначальном варианте что-то, что не нравилось самому Гурову, что-то его смущало, и он упрямо перечитывал дело.

Иннокентий Леонидович Богатенко проснулся резко, в один момент, и сразу же ощутил, как ему жарко. Полное, рыхлое, не тронутое загаром тело было потным и липким. В таком состоянии он просыпался уже который день подряд и, взглянув вверх, с раздражением заметил, что сплит-система опять выключена. Это все, конечно, жена, из соображений ложной экономии. Вот ведь неисправимая натура! Деревня она и есть деревня... Сколько лет живет в столице, являясь супругой Богатенко, человека, занимавшего высокий пост в департаменте строительства Москвы, деньги давно привыкла не считать, тряпки-кольца-шубы меняет и не замечает, а вот поди ж ты, на электроэнергии экономит! Как была провинциальной плебейкой, так и осталась.

Он покосился на жену. Такая же толстая, обрюзгшая, как и он сам, она лежала на боку, похрапывая во сне. В уголке губы застыла капелька уроненной во сне слюны.

Из-за жары она спала без ночной рубашки, и Богатенко мог наглядно лицезреть прелести своей супруги.

«Весьма сомнительные», — мелькнуло у него в голове.

Признаться, он уже и забыл, как выглядит его жена без одежды. Все интимные отношения между ними уже несколько лет назад стали затухать, а потом и вовсе сошли на нет. Кажется, это устраивало обоих. Иннокентий Леонидович даже не интересовался, есть ли у жены кто-то на стороне, но почему-то сейчас эта мысль неожиданно пришла ему в голову.

Он еще раз посмотрел на супругу. Несколько складок рулонами перекатывались на животе, ямки и бугры целлюлита покрывали полные бедра. Лицо... На лицо Богатенко даже смотреть не хотелось.

Он перелез через жену, не особо заботясь о том, чтобы не потревожить ее, и, выйдя из спальни, быстро прошлепал босиком в ванную комнату, где сразу набрал джакузи. Лежа под тугими струями, Иннокентий Леонидович размышлял. Ситуация складывается удачно. Часть денег от Торопова уже получена, дело за малым. Ему удалось убедить Торопова в том, что разрешение на строительство выбить совсем непросто. Торопов, конечно, пытался торговаться, сбивал цену,

упирал на то, что Богатенко завышает расценки... «Побойтесь бога, Иннокентий Леонидович! Да у меня на само строительство меньше уйдет, чем вы хотите!»

А Иннокентий Леонидович не сердился, только плечами пожимал: «Не хочешь — не надо. По-другому не получится. Земля эта в цене, ее всегда можно пристроить». Куда Торопову деваться, если без Богатенко ему эту бумажку не получить? Иннокентию Леонидовичу решать, какой стройке быть, а какой не быть. Так что пусть выбирает. Да и знал он, что Торопов покрутится-покрутится, поскрипит зубами, а деньги найдет. Есть они у него, есть, иначе не замышлял бы такое строительство. Вот Иннокентий Леонидович, посмеиваясь про себя, и не торопил Торопова, не грозил, но и цену не сбавлял. Помнил мудрую поговорку: «Тише едешь — дальше будешь».

Она, естественно, сработала — Торопов объявился сам и с деньгами. Иннокентий Леонидович и вида не подал, что наперед знал, что так оно и будет. Убрал спокойно деньги в сейф, однако бумагу пока не дал — сказал, что нужно подождать еще немного, пока земля официально не будет передана в его руки. Что он, Иннокентий Леонидович, уже многое сделал для этого, лично съездил с проверкой и пришел к выводу, что нахо-

дящееся сейчас там предприятие малорентабельно. А следовательно, содержать его и дальше не имеет смысла. Оформил этот вывод как полагается и отослал куда следует. Так что нужно подождать еще совсем чуть-чуть.

Торопов, конечно, повздыхал, но ушел обнадеженный. А Иннокентий Леонидович прикинул, сколько еще можно будет с него взять и на какое время растянуть. Надолго тоже не стоит, в таком деле нужно соблюдать баланс. Не спешить, но и не растягивать, как мочало, иначе пойдут слухи, что с Богатенко каши не сваришь, и будут бизнесмены и прочие страждущие обходить его фигуру стороной, стараясь решать свои вопросы через кого-то другого. Это не так-то просто, конечно, но возможно. Иннокентий Леонидович ловко убеждал своих просителей, что только он способен решить их проблемы. А ведь есть люди и повыше его, и, если что, гору всегда обойти можно. Так что меру нужно знать, меру. Вон, супружница его меры в пирогах да плюшках не знает — вот и разожралась, как корова.

Иннокентий Леонидович начал вылезать из ванны, и нога скользнула по глянцевому боку. Он неуклюже взмахнул руками, ухватился за край... Осторожнее нужно быть, все-таки возраст уже не тот, шестьдесят

скоро, юбилей справлять. Иннокентий Леонидович не задумывался над тем, что не уступает жене в полноте: они относились к одной весовой категории. Но он мужчина, ему внешность вообще не важна. Ему главное — сила. Ум — это сила, и деньги — тоже сила. У Иннокентия Леонидовича имелось и то и другое.

Он прошел в столовую. Домработница Люда, накрывая на стол, шмыгала в кухню и обратно, приносила тарелки, чашки, вазочки. Крутила округлыми бедрами, выписывала восьмерки в воздухе. Когда она в очередной раз направилась в кухню, Иннокентий Леонидович невольно задержал взгляд на нижней части ее тела и, не удержавшись, встал со стула, и пошел следом. Люда открыла дверцу холодильника и склонилась над ней. Иннокентий Леонидович подошел и неожиданно для себя самого положил руку девушке на талию, плавно переместив ее ниже. Она резко выпрямилась и повернулась к нему, не скрывая удивления.

Несколько секунд он не отрываясь смотрел ей в лицо, пока Люда не облизнула пересохшие губы. Что-то мелькнуло в ее лице, и Иннокентий Леонидович понял: смотрит выжидающе, а сама в душе не против, даже радуется, что хозяин вдруг проявил к ней такой интерес. И только присутствие хозяйки

в спальне заставляет ее напрягаться, а вовсе не девичья стыдливость. Убери сейчас Иннокентий Леонидович жену из дома — всю ее неловкость как рукой снимет.

Сразу стало неинтересно и даже противно. Иннокентий Леонидович резко убрал руку, сделав вид, что просто хотел окликнуть девушку.

— Люда, — холодно произнес он, — я сегодня уезжаю раньше обычного, поэтому хотел бы позавтракать прямо сейчас.

— Все почти готово, Иннокентий Леонидович. Я ждала, когда встанет Валентина Павловна.

— Не стоит ждать Валентину Павловну, подайте мне завтрак немедленно, — бросил Богатенко, проходя в столовую.

Люда засуетилась, принялась выставлять на поднос еду, потом, подхватив его, принесла и поставила на стол. Иннокентий Леонидович молча приступил к завтраку. Закончив, кивнул Люде и двинулся в прихожую, по дороге выглянув в окно. Шофер уже ждал на своем месте, сидя за рулем.

Иннокентий Леонидович вышел из квартиры, а домработница проводила хозяина взглядом, в котором застыло разочарование.

Богатенко ехал на службу в благодушном расположении духа. Дела шли хорошо, на работе все стабильно. С приходом нового

мэра чьи-то головы, конечно, полетели, но его, Иннокентия Леонидовича, это никоим образом не коснулось. Наоборот, новый мэр похвалил работу их департамента и, хотя и объявил, что кое в чем нужно принципиально менять политику, в целом все же остался, кажется, доволен. А значит, Богатенко и дальше будет сидеть на своем посту, подписывая нужные бумаги и умножая капиталы не только за счет высокого оклада, но и за счет страждущих, кому эти бумаги необходимы.

Однако не успел чиновник пройти в свой кабинет, как секретарша, привстав на своем месте, доложила:

— Иннокентий Леонидович, Артемий Яковлевич просил вас зайти к нему.

— Он что, уже здесь? — удивился Богатенко, так как сам прибыл в департамент раньше обычного.

— Да, — подтвердила секретарша. — И он вас ждет.

— Когда он просил зайти? — нахмурился Богатенко.

Вызов начальства был непредвиденным, он совсем не готов к нему. Смутное подозрение закралось в голову, что-то неприятное шевельнулось в груди... С раннего утра шеф обычно не появлялся в департаменте и не вызывал подчиненных. Он вообще не